

Однако и в этот раз всё вышло не так, как ему хотелось. Спустя три дня Чу Фэй и сотня его конных разбойников вместе с людьми торгового дома Дун прибыли на границу государств Гаоцан и Бишэ.

— Ну что, господа, прибыли. Благодарю за сделку.

— Благодарим вас, молодой глава поселения.

Стороны обменялись любезностями и попрощались. Работа была выполнена, но Чу Фэй и его люди не спешили возвращаться. Эти земли входили в сферу их влияния, а раз уж они здесь, грех уезжать с пустыми руками: даже в начале весны, в мертвый сезон, торговые караваны нет-нет да и проезжали мимо.

Спустя два дня ожидания со стороны государства Бишэ показался отряд, конвоировавший деревянные клетки, в каждой из которых теснилось человек по двадцать. Охраняли их не просто наемники, а солдаты армии Бишэ.

— Это западные военнопленные, которых везут в государство Гань. Говорят, это люди народа Цзяло, известные своей доблестью. Цена за них назначена высокая, да и желающих прибрать их к рукам немало, — не дожидаясь, пока караван подойдет ближе, прошептал сопровождавший Чу Фэя младший военачальник.

— Хе-хе, если бы дело было плевым, я бы тебя, старина, не побеспокоил. Но я как раз такие дела и люблю — когда вокруг полно конкурентов, становится только интереснее.

Глаза Чу Фэя блеснули. В нем разыгралась не столько жадность к наживе, сколько азарт от мысли, что кто-то может попытаться перехватить товар. С этим знакомым военачальником по имени Кирил он церемониться не стал: они столько раз работали вместе, что знали друг друга как облупленных, так что пара шуток была вполне уместна.

— Знал, что тебе, паршивец, такое по душе. Десять золотых слитков, по рукам?

— Не пойдет.

— Десять слитков — это немало! Мы сами за этот рейс столько получаем. Этих рабов в государстве Гань продают по сто серебряных за голову, но ведь восемьдесят процентов прибыли уходит на расходы по пути. Не будь таким жадным.

Кирил нахмурился. Он не ожидал, что Чу Фэй останется недоволен ценой. Золото и серебро были основной валютой на этом торговом пути: один золотой слиток стоил десять серебряных, что в сумме составляло двадцать четыре тысячи медных монет четырех государств — Гань, Ци, Инь и У. Десять слитков — это целая сотня золотых, целое состояние, на которое простая семья могла бы прожить всю жизнь.

— Мне не нужны деньги. Мне нужны люди. Я хочу сам отобрать часть рабов. Мы не вы, нам нужно думать о том, как пополнить свои ряды.

Чу Фэй по-прежнему улыбался. Кирол все понял, но принять решение сам не мог, поэтому предложил Чу Фэю договориться с самим работоторговцем. Тот, скорее всего, побоялся бы подойти сам: даже самые благородные разбойники остаются разбойниками, и как только караван пересечет границу, защита армии Бишэ перестанет действовать. Если бы Чу Фэй решил его ограбить, Кирол бы и пальцем не пошевелил.

— Не нужны деньги, нужны люди? Хорошо, дам тебе десять человек.

— Нет-нет, десяти мало. Ты продаешь их в Великое Гань за эту цену, но сейчас они столько не стоят. Я не хочу тебя обдирать: ты прошел восемьдесят процентов пути, вот и цену я посчитаю как восемьдесят процентов. Восемь золотых за человека, и я забираю тринадцать.

— Невозможно! Я понесу огромные убытки. Даже по восемь золотых я могу отдать только двенадцать, никак не тринадцать.

— Ха-ха, ты впервые на этом пути? Не повезло тебе. Сегодня здесь я, а я — разбойник, а не солдат, и торговаться не люблю. Либо соглашайся, либо разворачивайся, либо жди здесь армию Гаоцана, либо возвращайся в Бишэ и нанимай охрану, которая, по-твоему, сможет одолеть наше поселение Чу.

— Ты, негодяй! Да как ты смеешь! Я ни за что на это не пойду!

— Учитывая, что я сегодня в хорошем настроении, убивать тебя не стану. Двадцать человек. Иначе жди здесь. Армия Гаоцана весной не выйдет — им не нужны эти гроши. А если вернешься в Бишэ, придется снова просить генерала Кирола об эскорте. Или попробуй проверить, справятся ли твои рабовладельцы со мной и моими братьями?

— Я... я согласен. Но можно поменьше? Некоторых уже разобрали аристократы из других стран. Если заберешь еще двадцать, я в этот раз останусь ни с чем.

— Я сказал: не люблю торговаться.

Взгляд Чу Фэя стал ледяным. Почти двухметрового роста, мощный и коренастый, даже в седле он казался человекоподобным тигром. На обветренном, смуглом лице выделялись густые брови, похожие на крылья дикого гуся, а жесткие черты лица и львиный лоб придавали ему властный вид. Когда он хмурился, от одного его взгляда бросало в дрожь.

— Выбирай.

Вскоре работоторговец с каштановыми волосами и глубоко посаженными глазами отвел взгляд,

не смея больше смотреть на Чу Фэя. Пришлось смириться с убытками — в конце концов, даже с учетом этого, сделка приносила прибыль. Его наемники, глядя на разбойников Чу Фэя, чьи доспехи блестели ярче, чем у солдат Бишэ, не решились даже шелохнуться, лишь проклиная про себя властный нрав Чу Фэя.

— Глава, эти семнадцать человек — отличный выбор. Они держатся вместе, остальные им в подметки не годятся.

Люди Чу Фэя действовали быстро и умело, словно были профессионалами в этом деле. Им не нужно было заглядывать в зубы, чтобы оценить товар: люди, прошедшие через битвы, сразу узнают себе подобных — это чутье, которому нельзя научиться.

— И правда неплохи. Кто вы такие?

Чу Фэй внимательно осмотрел их. Все семнадцать были под метр девяносто, крепко сложены. Хоть они и исхудали от скудной пищи, мышцы у них были что сталь. В их глазах застыло холодное безразличие, закаленное в боях, и странная, глубокая печаль.

— Первый легион города Байцю, Империя Цзяло.

Заговорил мужчина лет сорока. Даже сейчас от него веяло благородством, а волосы и борода были аккуратно подстрижены.

— Город Байцю пал? Империя Цзяло погибла? Кто теперь на троне?

Чу Фэй был поражен. Империя Цзяло была крупнейшим государством к западу от торгового пути, мощной державой из семи королевств, тринадцати княжеств и почти сотни независимых городов-государств. Они славились своей боевой мощью, а Первый легион был элитным профессиональным войском.

— Произошел переворот. Первый легион стал жертвой политики и был полностью уничтожен. Единственная на континенте регулярная профессиональная армия перестала существовать. А нас, выживших, распродают по частям.

Монкрейд ответил коротко, с нескрываемой скорбью в голосе.

— Ваша судьба печальна, но теперь вы свободны от роли разменной монеты. Меня интересует, кто вы такой. Если ответите честно, я предложу вам два пути.

Чу Фэй заинтересовался им еще сильнее. Он был уверен: этот человек не из простых.

— Барон Пурпурного Терновника, командир Первого рыцарского ордена Третьего легиона,

Монкрейд.

В глазах Монкрейда вспыхнул яркий свет — это была гордость за его семью и его прошлое, которую не смогли стереть даже нынешние невзгоды.

— Что ж, наслышан. Но мне любопытно: почему вас не купили раньше? Ослепли, что ли?

Чу Фэй замер. Это имя было легендарным — его называли Богом войны Цзяло. О подвигах Первого рыцарского ордена знали все на западе, и осознание того, что великий воин оказался в таком положении, поразило его.

Работорговец же в этот момент был готов выть от досады — он продал самого Бога войны за полслитка золота! Знай он, кто это, мог бы выручить сотню!

Однако, стоило Чу Фэю бросить на него короткий взгляд, он тут же натянул на лицо подобострастную улыбку, не смея больше выдать ни звука.

Монкрейд же с презрением бросил:

— Те люди искали лишь боевых рабов.

Боевые рабы — жестокая забава, где пленные сражались ради развлечения аристократов. Монкрейд презирал тех, кто принимал эту судьбу, считая, что это делает их лучше других рабов.

— Я держу свое слово. Даю вам два пути. Либо вы берете своих людей и уходите прямо сейчас — я дам вам оружие, еды и денег с собой не будет, но с оружием вы сами добудете пропитание. Либо вы идете ко мне, в разбойники. Будем вместе пить вино, есть мясо и жить честной жизнью, вдали от всей этой политической грязи.

Чу Фэй привык к таким вещам. Он часто покупал рабов, чтобы тренировать своих новичков или пополнять ряды. Но Монкрейд был другим, и Чу Фэй был готов дать ему выбор.

— Не нужно. Дай мне оружие, мы сразимся. Если я побегу, мы будем служить тебе. Если проиграешь ты — отдашь нам коней, доспехи, оружие, припасы и поможешь мне в одном деле.

— Да пошел ты! Ты кто такой, чтобы ставить условия? Наш глава дает тебе шанс, а ты еще и наглеть вздумал? — взревели разбойники Чу Фэя, возмущенные такой дерзостью.

— Мне нужно лишь спасти женщин — мою дочь и жен и детей моих солдат. Их продали на восток на полмесяца раньше нас.

Монкрейд смотрел только на Чу Фэя. Этот молодой глава разбойников казался ему другим, человеком той же породы.

— Полмесяца? Да их уже и след простыл! Тех рабынь продали в степи, их давно растащили, как их спасти?

Разбойники продолжали шуметь, и Монкрейд нахмурился еще сильнее.

— Эта сабля сгодится? Победишь ты или проиграешь — я сделаю всё, чтобы найти твою дочь. Что касается остальных — приложу все усилия, но обещать не могу.

Чу Фэй больше не медлил. Если бы Монкрейд стремился к власти или хотел захватить земли, Чу Фэй не стал бы с ним возиться. Но желание спасти своих близких заслуживало уважения — того самого уважения, которое Чу Фэй был готов проявить. Он протянул ему свою боевую саблю, давая обещание, не требующее условий.

<http://bllate.org/book/20000/1972257>